

УДК 101
ББК 87
С 47

Рекомендовано к печати
Ученым советом факультета философии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

В данной научной работе использованы результаты проекта «Следование правилу: рассуждение, разум, рациональность», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году

Ответственные редакторы — Е.Г. Драгалина-Черная,
В.В. Долгоруков

Следование правилу: рассуждение, разум,
рациональность / отв. ред. Е.Г. Драгалина-Черная,
В.В. Долгоруков — СПб.: Алетейя, 2014 — 452 с.

С 47

Издание представляет собой публикацию трудов Международной конференции «Следование правилу: рассуждение, разум, рациональность» (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 21-23 октября 2014 года). Конференция посвящена выявлению потенциала проблемы следования правилу в разрешении фундаментальных затруднений современной эпистемологии и разработке нормативных моделей рациональности. Сборник предназначен для широкого круга читателей, интересующихся логикой, историей философии и методологией науки.

УДК 101
ББК 87

ISBN 978-5-91419-512-7

© Издательство «Алетейя» (СПб), 2014
© Национальный Исследовательский Университет
«Высшая Школа Экономики», 2014
© Отв. ред. Е.Г. Драгалина-Черная, В.В. Долгоруков, 2014
© Коллектив авторов, 2014

Витгенштейнианское следование правилу в неопрагматизме Р. Рорти и его критика Х. Патнэмом

Илья Павлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», факультет философии
elijahpavloff@yandex.ru

Abstract: *This paper deals with two interpretations of Wittgenstein's rule following in modern American pragmatism. On the one hand, criticism of analytic philosophy in the works of R. Rorty and H. Putnam is connected with linguistic conception of "Philosophical Investigations". But on the other hand, Wittgenstein's philosophy is interpreted by these authors differently. The article shows that analyze of discussions about the rule following is significant for correct understanding of Putnam-Rorty debate on metaphysics, ethics and epistemology of modern pragmatism.*

Keywords: *philosophy of language, neopragmatism, rule following, scepticism, Wittgenstein, Rorty, Putnam.*

Введение

«Философские исследования» Людвиг Витгенштейна – по замечанию самого их автора – представляют собой набор заметок, которые так и не удалось объединить в целостную систему⁵¹⁸. Потому не удивительно, что проблема интерпретации многих идей, разработанных в этом трактате, практически сразу стала темой для дискуссий. В то же время Витгенштейн не представил свою позднюю концепцию в той

---

⁵¹⁸Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Часть первая. М.: Гнозис, 1994. С. 77.

четкой связи с какими-либо конкретными эпистемологическими, этическими и метафизическими следствиями⁵¹⁹, которую мы можем пронаблюдать в «Логико-философском трактате». Однако смелые рецепции идей Витгенштейна не заставили себя ждать.

Как отмечает исследователь современного прагматизма И. Д. Джохадзе, в 1980-е гг. значительная часть аналитических философов выступила против жесткой профессионализации философии: философы обратились к широкой гуманитарной проблематике – этической, политической, экзистенциальной. Ричард Рорти и Хилари Патнэм – наиболее известные из этого направления «пост-», или «экс-аналитиков»⁵²⁰. Как философия Рорти, так и поздние концепции Патнэма (внутренний реализм, естественный реализм, прагматический реализм) включают в себя рецепцию не только разработок классиков американского прагматизма, но и ряда идей позднего Витгенштейна, в том числе – концепции следования правилу.

1. Развенчание метафизических иллюзий

Нельзя сказать, что последовательное развитие философской концепции позднего Витгенштейна является главной целью Р. Рорти. Даже с точки зрения аргументации в «Философии и зеркале природы» Рорти возводит свои взгляды в первую очередь к работам У. В. О. Куайна, а также – У. Селларса, Т. Куна и других аналитических философов и философов науки. Как замечает П. Хорвич, для прагматиста Рорти Витгенштейн представляет лишь прагматический интерес: Рорти стремится рассмотреть, какие идеи венского аналитика наиболее полезны и плодотворны. К таким идеям Рорти в первую очередь относит

---

⁵¹⁹ Например, с рассуждениями о христианской религии, об идее научно-прогресса и об отношении техники выражения к сущности произведения в различных направлениях европейского искусства. Мысли «позднего» Витгенштейна на эту тематику мы можем встретить в его дневниковых записях, известных русскоязычному читателю под заголовком «Культура и ценность».

⁵²⁰ Джохадзе И. Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 159.

представление позднего Витгенштейна о языке как об инструменте социальной практики, которое резко отличается от семантической теории «Трактата»⁵²¹.

В работе «Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка» Рорти рассматривает концепцию раннего Витгенштейна как выражение извечного философского стремления к обнаружению сферы априорного знания, как «очередную попытку сохранить автономию и самодостаточность философа, позволяющую ему воображать, будто он находится где-то над миром или вне него»⁵²². Согласно интерпретации Рорти, метафизика и этика «Трактата» (представление о субъекте как границе мира, а также независимости мистического, *главного*, от фактов мира), которые он сводит к влиянию Шопенгауэра, возможны лишь благодаря обнаружению априорной логической структуры⁵²³.

Лингвистический поворот в философии Рорти истолковывает как реакцию философов на натурализацию понятия сознания, после которой трансцендентализм в кантовском смысле был невозможен: теперь не философы исследуют априорные категории сознания и ограничивают сферу исследований естественных наук, а биологи и психологи с помощью эмпирических методов изучают сознание, тем самым подчиняя старый предмет философии своей науке⁵²⁴. Но, поскольку любое научное описание возможно лишь в языке, философы не теряют трансцендентальных амбиций и надеются обнаружить априорные структуры, определяющие значения языковых выражений, чтобы тем самым вновь «возвыситься» над естественной наукой, – такое положение хорошо не только само по себе, но и благодаря той интеллектуальной легитимности, которую оно сообщает этико-экзистенциальным

---

⁵²¹Horwich P. Rorty's Wittgenstein // Wittgenstein's Philosophical Investigations: A Critical Guide. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 141.

⁵²²Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и Современность. М.: Наука, 1991. С. 121.

⁵²³Указ. соч. С. 122.

⁵²⁴Указ. соч. С. 123.

доктринам философов⁵²⁵.

Аналитическая философия языка, стремящаяся, в отличие от ряда метафизических учений, к научности и интеллектуальной честности, не могла не осознать необходимости натурализации семантики – если последняя претендует на статус серьезной научной дисциплины⁵²⁶. В связи с этим поздний Витгенштейн понимает, что значение выражений задается не априорными сущностями, подобными идеям Платона⁵²⁷, а значениями других выражений, то есть сложной сетью социальной практики и коммуникации. Из этого следует невозможность старых метафизических амбиций – Витгенштейну приходится признать, «... что ничего невыразимого нет и что философия, как и язык, – это просто система социальных практик, допускающая бесконечное расширение, а не ограниченное целое, грани которого могут быть показаны»⁵²⁸.

Таким образом, лингвистическую концепцию позднего Витгенштейна Рорти понимает как зависимость значения языка – в том числе философского – от социальной практики. Возможно, что в основании социальных практик лежит нечто особенное, что может обнаружить только философ? Рорти категорически отрицает это. Он подчеркивает, что наши знания не только не могут отражать реальность и обретают легитимность лишь внутри дискурса, но, более того, не существует универсальных правил для всех дискурсов – каждый дискурс задает свои собственные правила⁵²⁹. Анализ правил, которым следуют участники коммуникации, – различных социальных практик – прерогатива эволюционной биологии, истории и социологии⁵³⁰. По Рорти, философия не должна выходить за пределы читательских откликов на философские

---

⁵²⁵ Указ. соч. С. 121–122.

⁵²⁶ Указ. соч. С. 121.

⁵²⁷ Критику платонизма в семантике см.: Указ. соч. С. 124–127.

⁵²⁸ Указ. соч. С. 126.

⁵²⁹ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1997. С. 233.

⁵³⁰ Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка. С. 129.

книги и критики «остатков» старых философских систем, мешающих демократической культуре⁵³¹.

Следует отметить, что критика семантики, в духе «Трактата» утверждающей возможность истинного описания мира и априорного усмотрения его онтологической структуры исходя из соответствия элементов метафизически привилегированного языка платоническим объектам мира, составляет сущностную черту прагматического реализма Патнэма. Основные аргументы против «метафизического реализма» Патнэм формулирует уже в 70–80-е гг.: это, во-первых, теоретико-модельный аргумент, демонстрирующий возможность равнозначной истинности различных концептуальных описаний, членищих один и тот же фрагмент мира на различные онтологические объекты⁵³², во-вторых, мысленный эксперимент с муравьём, демонстрирующим зависимость отображения мира в языке от понимания – активной деятельности сознания⁵³³.

В отличие от Рорти Патнэм подчеркивает, что его критика вовсе не направлена на сведение истины к согласию в сообществе. Философия Патнэма не противоречит здравому смыслу – согласно этой версии прагматизма, «... горы и звезды не являются творениями человеческой мысли и языка»⁵³⁴ – более того, они могут быть объективно познаны и описаны. Патнэм критикует более «метафизический» вариант реализма, согласно которому «существует – в философски привилегированном смысле “объективного” существования –

---

⁵³¹ *Боррадори Дж.* Американский философ: беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном. М.: Дом интеллектуальной книги : Гнозис, 1999. С. 143.

⁵³² Реконструкцию и анализ теоретико-модельного аргумента См.: *Макеева Л.Б.* Философия Х. Патнэма. М.: ЦОПИФРАН, 1996. С. 104–106.

⁵³³ Мы не можем говорить, что муравей, случайно прочертивший на песке линию, похожую на Уинстона Черчилля, действительно изобразил Черчилля. Так же и научные теории, пассивно (т.е. метафизически) отображающие онтологию мира либо состояния сознания, не реферируют к реальности. См.: *Патнэм Х.* Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. С. 14.

⁵³⁴ *Патнэм Х.* Вопрос о реализме // Джохадзе И. Д. Прагматический реализм Хилари Патнэма. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013. С. 179.

определенная Совокупность-Всех-Реальных-Объектов и можно установить, какие свойства этих объектов относятся к их внутренней сущности, а какие <...> зависят от перспективы – точки зрения наблюдателя»⁵³⁵. В этом случае сведение истины в языке к социальной практике является таким же интеллектуальным жульничеством, как и физикализм⁵³⁶ – или как платонизм «Трактата». Достаточно лишь заменить элементарные частицы и логические объекты, наделенные метафизической привилегией, социальными и антропологическими фактами.

Очевидно, что при такой философской стратегии обращение к поздним идеям Витгенштейна в прагматическом реализме Патнэма будет совершенно иным. Вне полемики с Рорти Патнэм в первую очередь работает с наследием Витгенштейна для построения своей концепции гарантированной обоснованности – то есть для доказательства возможности объективного знания, а не необходимости скептицизма.

Критикуя один из вариантов метафизического реализма – представление об идеальных эпистемических условиях⁵³⁷, – Патнэм, в духе аргументов позднего Витгенштейна, подчеркивает, что слова: «В этой комнате есть стулья», – не тождественны выражению: «Если бы были идеальные условия, в комнате были бы стулья», – мы никогда так не говорим. Философ дополняет свою раннюю теорию референции интуицией прагматической природы языковых выражений. Он подчеркивает, что умение правильно употреблять и понимать значение предложений неразрывно связано с умением их верифицировать: человек, понимающий, что значит выражение: «В этой комнате есть стулья», – совершенно естественно получает знание и об условиях верификации этого суждения⁵³⁸.

---

⁵³⁵ Указ. соч. С. 180.

⁵³⁶ Джохадзе И. Указ. соч. С. 49.

⁵³⁷ Патнэм критикует собственное неудачное выражение, употребленное в «Разуме, истине и истории», а также концепцию Пирса. См.: Джохадзе. Указ. соч. С. 72–76.

⁵³⁸ Putnam H. Pragmatism and Realism. L., N. Y.: Routledge, 2002. P. 84.

2. Релятивизм и скептицизм Рорти и его критика Патнэмом

Итак, в неопрагматизме Р. Рорти философия языка позднего Витгенштейна и концепция следования правилу реципируется как утверждение зависимости как лингвистического значения языковых выражений, так и их истинности, от коммуникации в сообществе. Такая интерпретация приводит к релятивизации истины и скептицизму, что, однако, вполне соответствует философской стратегии Рорти.

Позиция Рорти представляется Патнэму интеллектуально и этически⁵³⁹ неприемлемой. Среди множества аргументов, направленных против скептической и релятивистской версии неопрагматизма, важную роль играет критика интерпретации идей Витгенштейна в философии Рорти.

2.1. Значение и употребление в языке

В «Философских исследованиях» Витгенштейн пишет: «Для *большого* класса случаев – хотя и не для *всех*, – где употребляется слово “значение”, можно дать его следующее определение: значение слова – это его употребление в языке»⁵⁴⁰. Часто опускаемое витгенштейнианцами «хотя и не для *всех*» позволяет заявить, что в науке необходима жесткая теория референции и формально-семантическая концептуализация⁵⁴¹.

---

⁵³⁹ Характерный для Патнэма выпад против «интеллектуальных соблазнов и искушений» скептицизма, которым должен противостоять философ, понимающий, что «мир, в котором мы живем, – не игровая площадка», см.: Патнэм. Вопрос о реализме. С. 192–193.

⁵⁴⁰ Витгенштейн Л. Указ. соч. С. 99.

⁵⁴¹ Патнэм подчеркивает, что в самом строгом смысле истина научных теорий является истинной в ее логическом понимании: научная теория может быть формально концептуализирована, а ее истинность установлена путем сопоставления концептуальной схемы с конкретными объектами реальности, на которые реальность членится самой схемой. В полемике с Рорти Патнэм подчеркивает, что он принимает формально-семантический подход А. Тарского к проблеме истинности. В этом случае «с истиной нет философских

Однако соотношение концептуальных схем и объектов реальности происходит не магическим метафизическим образом, а в практике, строго по Витгенштейну: «О названии осмысленно спрашивает лишь тот, кто уже так или иначе знает, как к нему подступиться»⁵⁴². Таким образом, Витгенштейн вовсе не сводит значение термина к его употреблению в языке⁵⁴³.

2.2. Прагматическая возможность сомнения

Также Патнэм отмечает, что сам скептицизм Рорти противоречит идеям Витгенштейна. Действительно, если мы не можем создать априорное философское учение или метафизически привилегированное описание мира, фаллибилизм и отсутствие догматизма является важной эпистемологической ценностью. Однако его суть – не в недостижимости объективного знания, а, напротив, в его получении. Мы можем подвергнуть сомнению наши научные теории лишь в том случае, если это сомнение – как и любой акт в рамках какой-либо формы жизни – будет обоснованным. Хотя, согласно Витгенштейну, теоретически мы можем представить человека, который всякий раз, открывая дверь, боится, что перед нею развернется пропасть, сами мы не будем так поступать⁵⁴⁴. В эпистемологическом преломлении прагматического реализма идея Витгенштейна выглядит еще убедительнее: из теоретической возможности изменения наших научных теорий не следует возможность сомнения в них прямо сейчас, поскольку сам акт сомнения задается контекстом имеющихся знаний, ценностей и задач⁵⁴⁵.

И. Д. Джохадзе интерпретирует эту ссылку на Витгенштейна

проблем; все настоящие философские проблемы связаны с понятием обоснованности». *Putnam H. Words and Life. Cambridge, L. : Harvard University Press, 1995. P. 316–320.*

⁵⁴² *Витгенштейн Л.* Указ. соч. С. 94.

⁵⁴³ *Putnam H. Pragmatism: An Open Question. Oxford: Blackwell, 1995. P. 9.*

⁵⁴⁴ *Витгенштейн.* Указ. соч. С. 119.

⁵⁴⁵ *Джохадзе.* Указ. соч. С. 54–55.

как выпад против ложно понятого скептицизма⁵⁴⁶. Однако рассмотрение аргумента о невозможности беспредпосылочного скептицизма в контексте эпистемологии Патнэма – в том числе, его ранних сочинений – выглядит достаточно убедительно. Уже в 80-е годы Патнэм связывает фаллибилизм научных теорий и концептуальную относительность с теорией языковых игр Витгенштейна: расширение экспериментальной практики, обеспечивающее прирост научного знания, имеет ту же природу, что и бесконечное расширение множества интерпретаций ряда натуральных чисел. Одна из ложных философских стратегий происходит из ошибки перехода от следования правилу («Я могу продолжить ряд») к метаутверждению о самом правиле («Идеальная машина может продолжить ряд»)⁵⁴⁷. Не утверждая, каким образом идеальная машина продолжила бы ряд до бесконечности (что невозможно), метафизический реалист, казалось бы, не обязан демонстрировать содержание абсолютного знания, чтобы утверждать его истинность. Однако сама попытка помыслить весь ряд производится из перспективы не идеальной машины, а человека, следующего правилу. Его неспособность помыслить весь ряд целиком иначе, чем в качестве правила следующего шага, то есть неспособность продемонстрировать содержательный критерий абсолютного знания, накладывает запрет на любые разговоры об идеальных машинах, следующих правилу, и, как следствие, о метафизической истинности самих правил.

Примечательно, что такую же ошибку совершает социальный релятивист. Вместо того чтобы, доверяя своим знаниям, способствовать их приращению, – например, обнаружив философскую некорректность устаревшей теории репрезентации, разработать другую, – он выносит суждение о всем правиле и утверждает одностороннюю зависимость истины и объективности от социальной коммуникации. В этом случае релятивист вынужден сомневается относительно возможности

---

⁵⁴⁶ Указ. соч. С. 55.

⁵⁴⁷ Патнэм Х. Разум, истина и история. С. 94

репрезентации вообще. «Этот ход мысли Рорти доказывает, что в действительности он является “разочарованным” метафизическим реалистом»⁵⁴⁸, – резюмирует Патнэм.

Хотя для Патнэма фаллибилизм и экспериментализм и составляют важный способ получения научного знания, однако не являются универсальным методом. По мнению философа, мы не можем обнаружить не только единственно верную онтологическую структуру мира, но и безотказный алгоритм получения знания. Идеальный метод – еще одна метафизическая иллюзия, существующая лишь в фантазиях философов⁵⁴⁹.

2.3. Следование правилу: сообщество и среда

Два предшествующих аргумента, рассмотренных наряду с критикой социального редукционизма как очередной версии метафизического догматизма, позволяют более точно прояснить, каким образом интерпретации Рорти и Патнэма соотносятся с существующими в аналитической философии дискуссиями о проблеме следования правилу. Хотя Рорти и не сосредотачивает свое внимание на философской проблеме следования правилу и скорее рецепирует теорию языковых игр в целом, нельзя не заметить близость его идей со скептической интерпретацией проблемы следования правилу и теорией «точки зрения сообщества», предложенной Солом Крипке⁵⁵⁰.

Патнэм, напротив, представляет противоположную сторону дискуссии о проблеме следования правилу – позицию Г. П. Бейкера и П. М. С. Хакера, которые, опираясь не только на «Философские исследования», но и на массивный пласт подготовительных заметок Витгенштейна⁵⁵¹ доказывают, что критерий того, верно или нет, индивид следует правилу,

---

⁵⁴⁸ Патнэм Х. Вопрос о реализме. С. 174.

⁵⁴⁹ Putnam H. Pragmatism: An Open Question. P. 69.

⁵⁵⁰ Воспроизведение интерпретации Крипке не входит в задачи данного обзора. См.: Крипке С. Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.

⁵⁵¹ Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 3.

задаются не «точкой зрения сообщества», а практикой – регулярным повторением действия достаточной сложности. Такая практика может быть индивидуальной⁵⁵².

В. А. Ладов и В. А. Суровцев отмечают, что концепция Бейкера и Хакера не только демонстрирует более корректное, с точки зрения истории философии, прочтение Витгенштейна, чем интерпретация Крипке⁵⁵³, но и обладает самостоятельной философской ценностью, не зависящей от того, на чьей стороне оказывается авторитет Витгенштейна⁵⁵⁴. В 1990-е гг. в копилку аргументов, усиливающих интеллектуальный потенциал анти-скептического подхода к проблеме следования правилу, добавился ряд аргументов Патнэма. В частности, Патнэм отметил, что точка зрения сообщества не позволяет избежать радикального скептицизма, т. к. все сообщество может быть рассмотрено как сложный индивид⁵⁵⁵. Однако в более широкой перспективе прагматический реализм Патнэма представляет анти-скептическую трактовку еще в более выгодном положении.

Следует отметить, что Патнэм не отрицает зависимость семантики и истинности научных теорий от сообщества. Уже в 1970-е гг. он формулирует свою социолингвистическую гипотезу, которая предполагает «разделение лингвистического труда» для обеспечения стабильной референции в условиях исторического развития науки⁵⁵⁶. Однако активная роль сообщества изначально рассматривается Патнэмом как неотделимая от особой роли окружающей среды, понимаемой

---

⁵⁵² Указ. соч. С. 79.

⁵⁵³ Ладов В. А., Суровцев В. А. Скептик, или к бессмыслице и обратно // Бейкер Г. П., Хакер П. М. С. Скептицизм, правила и язык. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. С. 210–211.

⁵⁵⁴ Указ. соч. С. 212.

⁵⁵⁵ Putnam H. On Wittgenstein's Philosophy of Mathematics // Aristotelian Society Supplementary. 1996. Volume 70. P. 257. Также Патнэм еще раз обратил внимание на корректное прочтение параграфов «Философских исследований», посвященных проблеме индивидуального языка. Op. cit. P. 243.

⁵⁵⁶ Подробнее См.: Патнэм Х. Значение «значения» // Патнэм Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 173–181.

либо как жесткие референты терминов естественных классов⁵⁵⁷, либо – впоследствии – как пространство практики, активного орудования исследователя объектами окружающей среды в эксперименте⁵⁵⁸. Патнэм раскрывает «*фундаментальную взаимозависимость* объективной реальности и субъективного опыта»⁵⁵⁹ – не только в научном эксперименте, но и в этической рефлексии, демократическом обсуждении будущих политических решений, а также во всем многообразии областей и ситуаций современной человеческой жизни. В свою очередь, прагматический реализм Патнэма, во всех этих вопросах опирающийся на концепцию гарантированной обоснованности и идеи Витгенштейна, получает интеллектуальную поддержку от анти-скептической трактовки следования правилу.

3. Заключение

Хотя Рорти, в отличие от Патнэма, эксплицитно не участвует в полемике вокруг проблемы следования правилу, использование поздних идей Витгенштейна в его работах четко укладывается в традицию скептической интерпретации следования правилу и редукции объективности и истинности к коммуникации и «точке зрения сообщества». В связи с этим его полемика с Патнэмом, рассмотренная с точки зрения исторической аутентичности и философской корректности, с которыми реципируется лингвистическая концепция «Философских исследований», приобретает новые черты.

Поскольку человеческая практика и многообразие форм жизни не могут быть философски корректно редуцированы к социологии и антропологии, следование правилу как концепция рациональности становится одновременно не релятивистской и в то же время достаточно гибкой моделью рациональности, которая позволяет Патнэму рассматривать в рамках концепции прагматического реализма не только эпистемологию

---

⁵⁵⁷ Указ. соч. С. 173–178.

⁵⁵⁸ Putnam H. Pragmatism and Realism. P. 80–81.

⁵⁵⁹ Джохадзе И. Указ. соч. С. 58.

естественных наук, но и вопросы этики и даже религии. Философия, стремящаяся, по мысли Патнэма, «к идеалу *практически-жизненной мудрости*»⁵⁶⁰, обнаруживает, что отказ от догматизма не отменяет того, что в мире существуют объективно худшие и лучшие языковые игры⁵⁶¹. Если мы желаем применять идеи «Философских исследований» к более широкому контексту, чем тот, для которого они задумывались автором, то, пожалуй, все-таки стоит прислушаться к замечанию Патнэма: релятивизм Рорти не имеет с ними ничего общего⁵⁶². Значит, прогресс возможен не только в науке, но и в философии – как внутри дискуссий о наследии Витгенштейна, так и в деле новых философских разработок.

Значительную часть «Философии и зеркала природы» Рорти составляют рассуждения о проблеме интенциональности⁵⁶³. Как в дискуссиях вокруг скептического парадокса Крипке, так и в прагматической трактовке верификационизма у Патнэма важную роль играет проблема понимания языка и осознания индивидом своих действий и намерений. В связи с этим следует ожидать, что трансакционная теория интенциональности, над разработкой которой в данный момент работает неутомимый Х. Патнэм⁵⁶⁴, обогатит современную философию новыми плодотворными идеями.

---

⁵⁶⁰ Указ. соч. С. 163.

⁵⁶¹ *Putnam H. Pragmatism: An Open Question. P. 37–38.*

⁵⁶² *Op. cit. P. 34–35.*

⁵⁶³ Примечательно, что Рорти, полностью принимая онтологию Куайна, отвергает его критику интенциональности. См.: *Рорти Р. Философия и зеркало природы. С. 143–157.*

⁵⁶⁴ *Джохадзе И. Указ. соч. С. 164.*